

Т.Н. Соболева

**Ведомственная полиция Колывано-Воскресенского
(Алтайского) горного округа в 20–60-х гг. XIX в.**

Исследователи, которые обращались к истории Колывано-Воскресенского (с 1834 г. – Алтайского) горного округа первой половины XIX в., неоднократно подчеркивали одну из характерных особенностей региона – значительную автономию края от губернских и уездных властей, господство горнозаводской администрации. Например, ссыльный народник Н. Зобнин, внесший существенный вклад в изучение социальных отношений на Алтае в дореформенный период, подметил это своеобразие следующим образом: «В алтайских горных селениях, где жили мастеровые, все было свое – горное: свой городничий (в Барнауле), свои полицейские пристава, квартальные и будочники; свой военный суд, состоявший из горных чиновников, свои тюрьмы, свои палачи» [1, с. 31]. В предложенном автором перечне должностных лиц и учреждений основное место отведено ведомственным полицейским и судебным структурам, т.е. важнейшим элементам «военно-горного строя», присущего казенным и кабинетским горно-металлургическим округам России в первой половине XIX в.

История колывано-воскресенской (алтайской) горной полиции относится к разряду слабоизученных проблем, поскольку лишь в последние два десятилетия после длительного перерыва вновь стала предметом исследования [1, с. 31–36; 2, с. 5–6, 22; 3, с. 204–207; 4, с. 97–99; 5, с. 148–149]. Краткое изложение заявленная нами тема получила в энциклопедии «Барнаул», что явно недостаточно для развернутой характеристики административно-судебного звена местной системы управления [6, с. 236–238]. Имеющиеся в нашем распоряжении источники законодательного и делопроизводственного характера, извлеченные из 1–2 выпусков Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ), Сводов законов Российской империи (СЗРИ) за 1832, 1842, 1857 гг., Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Томской области (ГАТО), Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК), позволяют восстановить структуру, численность, систему подчинения, источники финансирования, направления деятельности колывано-воскресенской (алтайской) горной полиции в 20–60-х гг. XIX в.

Аксиомой для специалистов, занимающихся алтайской проблематикой, стало верное наблюдение дореволюционных авторов, что законодательство в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном

округе шло вслед за реальной жизнью, юридически оформляя то, что уже утвердилось и доказало свою целесообразность на практике. К таким явлениям принадлежала горная полиция, которая возникла задолго до того, как появились нормативные акты, регулирующие ее состав и деятельность: «Горное положение» 1806 г., «Учреждение об управлении Колывано-Воскресенскими горными заводами» 1828 г., последующие Горные уставы 1842 и 1857 гг. А.А. Пережогиным установлено, что ведомственные полицейские структуры начали формироваться в округе в 70-х гг. XVIII в. К 1785–1787 гг. они окончательно сложились и превратились в важнейший элемент кабинетской системы организации местной власти [3, с. 204–206]. Несмотря на неоднократные административные реорганизации в конце XVIII – 20-х гг. XIX в. основной набор полицейских учреждений Колывано-Воскресенского горного округа сохранился почти в неизменном виде.

Совокупность законодательных и архивных материалов дает возможность выяснить структуру барнаульской полиции в 20–60-х гг. XIX в. и проследить динамику происходивших в ней перемен [7]. Горную полицию Барнаула в первые два десятилетия XIX в. возглавлял полицмейстер из гиттенфервальтеров (горный чин, соответствовавший армейскому штабс-капитану). Штатное расписание городского управления для сибирских губерний 1822 г. ввело единый термин для обозначения начальников городских полиций – городничий.

В 1828 г. престиж и материальное обеспечение барнаульского городничего были повышены присвоением этой должности 9 класса маркшейдера, или капитана, если руководствоваться армейской градацией чинов. По расписанию 17 декабря 1837 г., учитывая, что Барнаул являлся горным городом и центром Алтайских заводов, его городничий стал получать оклад на уровне главы полиции губернского города Сибири – 1250 руб. и 500 руб. на служебные разъезды. В его непосредственном распоряжении находились 2 дежурных унтер-офицера (с 1829 г. их обязанности по совместительству выполняли квартальные надзиратели), канцелярия из 7 человек (письмоводитель, 2 канцеляриста, 4 копииста) и сторож.

Небольшие колебания в численности и номенклатуре должностей были характерны для полицейской канцелярии. В 1830 г. она насчитывала

10 служащих: письмоводитель, 2 приказных служителя из унтер-шихтмейстеров, 3 писаря, 3 копииста, сторож. Через 8 лет канцелярскую работу исполняли письмоводитель, 2 старших писаря в положении столоначальников по гражданской и горной частям, 5 младших писарей. В середине 50-х гг. XIX в. делопроизводство вели письмоводитель, 5 писцов, при канцелярии находились 2 сторожа.

Барнаул в первой половине XIX в. делился на 4 квартала во главе с квартальными надзирателями. Им в помощь назначались 4–9 квартальных смотрителя. С 1820 г. к квартальному добавилось деление на 2 части, предусмотренное «Уставом благочиния» для более крупных городов. В каждую часть, согласно законодательству, должно было входить от 200 до 700, в квартал от 50 до 100 дворов. С организацией частей и появлением 2-х частных приставов окончательно сложилась структура барнаульской полиции. Последующие изменения не носили принципиального характера.

По «Табели разделения Сибири» 1822 г. Барнаул был отнесен к средним городам, где полицейское управление состояло из одной частной управы в составе городничего, секретаря, квартальных надзирателей и медицинского подразделения из лекаря и младшего лекарского ученика [8]. По сути уже с 1820 г. горная полиция строилась по типу многолюдных сибирских городов, в которых полагались общая (городничий, частные приставы, канцелярия) и частные управы в зависимости от количества частей в городе из пристава, двух квартальных надзирателей и писцов. В общем присутствии заседали 2 ратмана – выборные представители от барнаульского «градского общества» [9]. В отличие от сибирских многолюдных городов, где полицейское управление включало медицинскую и строительную части, в Барнауле госпиталь относился к ведению заводской конторы, а архитектор и его помощник входили в штат Колывано-Воскресенского горного правления.

Самым массовым полицейским контингентом в Барнауле были будочники из заводских инвалидов (лица, которые из-за небольших увечий, возраста или состояния здоровья не могли использоваться на производстве). Они посменно несли караульную службу в городе. Их численность в 20–60-х гг. XIX в. стабильно держалась в пределах 60 человек, дежуривших в специально выстроенных на городские средства 20 будках [10].

В городе не полагалось особое пожарное подразделение, поэтому тушение пожаров входило в обязанность горной полиции. Для этого при ней содержались 12–15 лошадей, телеги, дровни и нехитрый пожарный инвентарь: 2 заливные машины, бочки, окованные железом, кожаные ведра на же-

лезных кругах, багры, войлочные щиты на деревянных рамах, складные лестницы и холщовые паруса длиной и шириной в 7 сажень с веревками [11]. Чтобы снизить затраты на наем конюхов и не отрывать полицейских от других дел, Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства в 1820 г. обязала горожан выделять из своей среды 4 человека в рассыльные или к пожарным инструментам, а также 6 конюхов с платой первым 50, вторым – 70 руб. в год. По ходатайству Колывано-Воскресенской шестигласной думы натуральная повинность для горожан была заменена денежной. Канцелярия согласилась для этих целей назначать заводских служителей при условии содержания их за счет «градского общества», взявшего на себя обязательство ежегодно вносить в кассу Горной канцелярии 620 руб. [11, л. 94–95]. С 20-х гг. XIX в. из полицейской команды Барнаула стали выделяться 2 брандмейстера, 3 караульщика на каланче, которые вместе с 4 рассыльными, 6–7 конюхами специализировались на выполнении пожарных функций и составляли пожарное подразделение внутри полиции.

Горная полиция Барнаула в первой половине XIX в. насчитывала от 83 до 116 человек [12]. Самым подвижным элементом в ней являлись рассыльные, почтари, сторожа, количество которых то сокращалось, то увеличивалось. И по численности, и по структуре полицейская часть Барнаула выделялась из окружных сибирских городов и была сопоставима с аналогичным подразделением губернского города Томска. Например, в 1855 г. томская полиция располагала 104, барнаульская – 109 служащими [13].

Объяснение такого положения следует искать в горном статусе Барнаула. Создавая горные города и разрабатывая для них законодательство, правительство учитывало, что они были центрами обширных горнозаводских районов господства подневольного труда и выполняли важную государственную задачу – обеспечение страны металлами. В условиях почти полного отсутствия экономических стимулов к труду и автономии округов от губернских и уездных властей аппарат внеэкономического принуждения должен был обладать самодостаточностью для решения большого круга проблем, как производственных, так и по управлению населением.

6 декабря 1856 г. для всех губернских и окружных (уездных) учреждений Западной Сибири были введены новые штаты, которые изменили состав городских полиций, увеличили их численность и содержание чиновникам. Полицейские команды вновь, как это практиковалось в 1824–1830 гг. в Томске, начали набираться из военнослужащих Отдельного сибирского корпуса, а не из вольнонаем-

ных [14]. Томская полицейская команда сразу же выросла почти в два раза с 69 до 127 человек, не считая 14 служащих общей и частных полицейских управ [15]. Преобразования не коснулись Барнаула, так как его полицейская часть строилась в соответствии не с общесибирским, а заводским штатным расписанием от 22 мая 1849 г. Ходатайства Главного управления Западной Сибири и окружного начальства перед Кабинетом привели в 1860 г. к выделению единовременной суммы в 2 000 руб. на покупку лошадей, пожарных инструментов и увеличению до 2 000 руб. ежегодного ассигнования барнаульской полиции [16]. Близилась реформа отмены подневольного труда в горно-металлургической промышленности России, поэтому кабинетское ведомство не стремилось форсировать решение частных проблем до того, пока не определятся главные контуры планируемых преобразований.

Поселки при заводах и рудниках именовались горными селениями. А. Кулибин «В описании Колывано-Воскресенских заводов по 1833 год» привел данные о населении 17 таких горнозаводских центров [17, с. 170–174]. Историки Р.М. Кабо и А.П. Бородавкин на конец 50–начало 60-х гг. XIX в. насчитали их 32–33 [18, с. 188; 19, с. 128–130]. Из этого количества по штатам 1828 г. только 5 селений возглавлялись полицейскими чиновниками 13 класса (Локтевское, Павловское, Сузунское, Салаирское, Томское), 1 служащим 12 класса – Змеиногорское, а остальные не имели особых полицейских приставов [20]. Их обязанности либо возлагались на управляющих заводами, рудниками, либо на полицейских из мастеровых 2-й статьи. Такая ситуация была характерна для поселков при Гавриловском, Гурьевском заводах, золотых промыслах, Колыванской фабрике, большей части рудников. С 1785–1787 гг. крупные горнозаводские селения располагали караульными будками для сменного дежурства будочников. В 1819–1820 гг. их насчитывалось в Томском поселке 2, Локтевском, Павловском, Сузунском – по 4, Салаирском – 6, Змеиногорском – 16 [21]. Кроме приставов и будочников, в 1830 г. в змеиногорской полиции находились частный пристав, 2 квартальных надзирателя, 2 вахмистра; в Салаирской – 3 квартальных надзирателя, базарный смотритель и писарь. По 2 квартальных надзирателя имели селения при Томском, Гавриловском, Гурьевском заводах. Квартальными, базарными смотрителями, писарями, сторожами, рассыльными был укомплектован полицейский штат других горнозаводских поселков, причем в различном количестве и сочетании должностей [22]. Штатное расписание для Алтайских заводов 1849 г. подтвердило особое положение Змеиногорска и Салаира – центров обшир-

ных горнозаводских районов внутри округа. По размерам полицейской части в 50 и 29 человек они были выделены из прочих горных селений. За ними шли Сузунское, Томское, Павловское, Локтевское со штатами 20–26 служащих [23]. Если Барнаул располагал полицейским контингентом, сопоставимым с томским, то полиции крупных горных селений соответствовали аналогичным подразделениям окружных городов Томской губернии и даже превосходили их по численности. В 1855 г. самой многочисленной являлась полицейская часть Бийска в составе 22 человек. В других городах ее численность не превышала 16–19 служащих [24].

Полностью на заводские средства содержалась ведомственная полиция горных селений. Финансирование барнаульского полицейского подразделения в 20–60-х гг. XIX в. происходило из трех источников. До 1820 г. деньги на него поступали в основном из заводской кассы, и только канцелярские потребности в размере 333 руб. 30 коп. компенсировало государственное казначейство. Постепенно доля участия казны выросла. В 1825 г. она составила 997 руб. 50 коп. (450 руб. на жалованье городничему, 300 руб. – письмоводителю и 247 руб. 50 коп. на канцелярию). Усиленное содержание городничему, расходы на оплату труда письмоводителя, писца и канцелярские нужды с декабря 1837 г. стали обходиться губернскому бюджету в 2 400 руб. [25].

К единовременным платежам на установление верстовых столбов, шлагбаумов при въезде в город, строительство будок и дома для полиции кабинетские власти активно привлекали барнаульское общество купцов и мещан. Опираясь на действовавшее законодательство по горным городам, Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства 27 октября 1820 г. обязала горожан ежегодно отчислять на нужды полиции 2 893 руб. 60 коп. от общей суммы 4 972 руб. 8 1/3 коп. и через 4 года вносить дополнительно 720 руб., не считая единовременных расходов. По данным за 10 лет (1826–1835 гг.) реальные цифры годовых издержек посадской общины оказались несколько ниже, составив в среднем 2 757 руб. 87 1/4 коп. [26].

В 30-х гг. XIX в. возник спор между Барнаульской ратушей и Горным правлением о доли каждого из них в финансировании ведомственной полиции, который наглядно демонстрирует неравноправное положение сторон [26, л. 117–123, 147, 494–511]. Во-первых, Горное правление в 1835 г. настояло, чтобы в составлении сметы на содержание полиции принимал участие особый представитель от окружной администрации для соблюдения «общей пользы», но главное – «выгоды заводов». От его мнения зависела дальнейшая судь-

ба документа. Только с одобрения чиновника он поступал к губернатору и далее шел в Совет главного управления Западной Сибири, где после утверждения приобретал силу закона. Во-вторых, Горное правление могло отказаться платить даже по утвержденным сметам. И в таком случае его долги после разбирательства списывались на Барнаульскую ратушу, как это произошло в 1836–1837 гг. Камнем преткновения являлся вопрос, что должна включать половинная сумма расходов на полицию, установленная законом для обывателей горных городов. Ведомственное начальство пыталось учесть все без изъятия затраты на полицейские нужды. Городские власти отказывались платить по тем статьям, которые по Горному уставу должны были финансироваться за счет заводов. Наконец, Барнаульскую ратушу раздражало, что она, покрывая существенную часть полицейских расходов, не получала никакой информации о том, куда ушли ее деньги, а все запросы по этому поводу горная администрация оставляла без ответа.

Полиция промышленных центров Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа находилась в ведении начальника (с 1830 г. – главного начальника) заводов, который до 1822 г. по полицейским делам действовал на правах губернатора, а с 1822 по 1864 г. официально занимал должность главы томского губернского управления. Распорядительная и исполнительная власть в округе с 1830 г. сосредоточивалась в руках горного начальника. Непосредственное руководство полицией осуществляла земская часть Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства (с 1828 г. – судное отделение Горного правления). Барнаульский городничий напрямую подчинялся Горному правлению. Полиция горных селений являлась административным подразделением горных (заводских) контор [27; 28, § 1806, 1809, 1811, 1828, 1870–1871, 1886–1887].

Ведению горных (заводских) контор подлежали тюрьмы, гауптвахты и с 30-х гг. XIX в. исправительные казармы. Их обслуживали надзиратели, смотрители, старосты, повара. По штатам 1849 г. весь набор исправительных учреждений имели 3 населенных пункта: Барнаул, Змеиногорск, Салаир [29]. При Локтевском, Павловском, Сузунском предприятиях действовали исправительные казармы, при Томском заводе, Колыванской фабрике полагались тюрьма и гауптвахта. В тюрьмах должны были содержаться лица, наказанные по суду, на гауптвахтах и в исправительных казармах – административным порядком.

К наполнению людьми исправительных казарм и практиковавшимся там наказаниям непосредственное отношение имела горная полиция. По законодательству ей принадлежало право опреде-

лять любого провинившегося «в рабочий или смиренный дом», функции которых на Алтае выполняли исправительные казармы [30]. Для этого, по свидетельству Н. Зобнина, достаточно было решения общего присутствия горной (заводской) конторы, а фактически – управляющего ею [1, с. 33, 35]. Ему и приставу горной полиции предоставлялась возможность назначать наказания заключенным в исправительную казарму, превышавшие 25 ударов розог [31, с. 145].

Все незначительные проступки рабочих, «малые распри и обиды между ними» разбирались в горной полиции. Поскольку процедура не предусматривала составления протокола, то нам не известны ни сам порядок таких разбирательств, ни набор исправительных мер. Мелкие гражданские тяжбы между представителями посадской общины были в компетенции словесных судов, находившихся при частных полицейских управах, а также магистратах или ратушах. Из журнала Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства за 1823 г. видно, что словесный суд с упрощенным судопроизводством и примирением тяжущихся сторон в Барнауле существовал только при ратуше и действовал совершенно автономно от горной полиции [32]. Она не получала сведений о вновь избранных членах суда и не извещалась о принятых ими решениях. В последующих документах, касающихся структуры полицейских и городских учреждений Барнаула, также нет указаний на существование словесных судов при полиции.

Перечень функций горной полиции был столь же обширен и многообразен, как и гражданской, поскольку определялся общероссийским законодательством по полицейской части при условии, чтобы оно не противоречило Горному уставу [33, с. 243–253; 34]. Полицейский штат в первую очередь использовался для предупреждения и пресечения неповиновения со стороны горнозаводского населения. Не случайно, главная задача горной полиции формулировалась как «соблюдение тишины и безопасности в горном городе и в каждом селении, при заводе и руднике состоящем...» [35, с. 324]. От полиции требовалось сохранение общественного спокойствия, порядка, повиновения властям, недопущение незаконных действий, поимка беглых, беспаспортных, бродяг, воров, презрение бедных, охрана заводского имущества, поддержание «благонравия жителей». Ей поручалось обнародование законов, распоряжений местных властей, надзор за их исполнением.

Полиция вела следствия по всем правонарушениям и преступлениям, исключая служебные упущения и проступки. В эту сферу ей запрещалось вмешиваться без особых на то указаний управляющих предприятиями или вышестоящего горного

начальства. По «маловажным полицейским винам», как мы уже отмечали, она выступала в роли судьи, участвовала в определении наказаний для заключенных в исправительные казармы или привлекалась к исполнению вынесенных судом приговоров.

На полицию возлагалась организация постоя войск. Население городов должно было обеспечивать нижних чинов казармами, офицеров квартирами или отпускать на наем жилья установленные законом деньги. Решением данной проблемы занимались квартирные комиссии. Барнаульская комиссия возглавлялась городничим, в помощь которому ежегодно избирались 2 депутата: один от дворян, другой от купцов и мещан. Повинность отбывалась горожанами натурой по очереди с отметкой в обывательской книге времени назначения квартир для постоя и срока квартирования. Например, в 1850 г. для постоя войск в Барнауле было отведено 155 квартир [36].

Среди функций горной полиции важная роль отводилась гражданскому благоустройству города и селений. Под ним следует понимать наблюдение за исправностью дорог, городских строений, предупреждение и предотвращение пожаров, наводнений, эпидемий, эпизоотий. Полиция занималась также выделением мест под дома, другие строения, регистрировала их куплю-продажу [37].

Полиция отвечала за чистоту и опрятность в горнозаводских центрах. Судя по документам, эти требования успешно выполнялись в административно-производственных районах населенных пунктов, о чем сохранились отзывы путешественников, ученых-исследователей, посетивших горный округ в первой половине XIX в. [38, с. 24–28]. Обывательские кварталы в этом отношении находились под слабым контролем полицейских. В 1848 г. активно обсуждался вопрос о наведении чистоты в Барнауле [39]. Город был признан грязным. В нем получила распространение лихорадка из-за несоблюдения санитарных норм. Особенно много нареканий вызывало состояние Зайчанской части города, где жили мастеровые и рабочие люди. Главный начальник отдал распоряжение полиции, чтобы она организовала подметание улиц хотя бы один раз в неделю, проведение или очистку от гнили канав для стока воды и следила за соблю-

дением опрятности в обывательских дворах.

Забота о народной промышленности, торговле, наличии в городе и горных селениях жизненно необходимых припасов, предоставление способов к пропитанию нуждающимся также входили в обязанности горной полиции.

Кардинальные перемены в управлении Алтайского горного округа связаны с реформой 1861 г., отменившей обязательный труд в горно-металлургической промышленности России. Освобождение мастеровых, рабочих людей, урочников, непременных работников сопровождалось ликвидацией горной полиции. В октябре 1863 г. алтайские мастеровые выбрали из своей среды сотских, заменивших полицейскую стражу на заводах и рудниках. Они были подчинены земским судам – органам губернской полиции [5, с. 148]. Отсутствие возражений со стороны Кабинета на упразднение горной полиции объясняется сокращением численности необходимых для действия заводов и рудников рабочих, стремлением кабинетского ведомства уменьшить затраты на содержание административного аппарата Алтайского горного округа и возложением на мировые учреждения обязанности обеспечивать горно-металлургические предприятия рабочей силой.

Передача барнаульской полиции в гражданское ведомство затянулась до 1868 г. Кабинетские чиновники неохотно уступали здесь свои позиции губернским властям, поскольку Барнаул являлся не только горнозаводским, но и административным центром Алтайского округа. Ликвидация горной полиции была равносильна отмене Барнаулу статуса горного города и потере власти над его населением. Важным стимулом в решении этой проблемы явилось распространение в 1867 г. на Западную Сибирь общероссийской реформы полицейских учреждений 1862 г. В целях усиления власти уездных полицейских органов в западно-сибирском регионе по примеру Европейской России создавались объединенные окружные управления из служащих городских и уездных полиций. Барнаульская полиция в 1868 г. волилась в состав окружной и прекратила свое автономное существование [40].

Литература

1. Зобнин Н. Мастеровые Алтайских горных заводов до освобождения // Сибирский сборник. Кн. 2. Иркутск, 1892.
2. Бородавкин А.П., Винникова Т.М., Скубневский В.А. Барнаул в период подготовки и проведения реформы 1861 г. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984.
3. Пережогин А.А. Организация управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа и Зме-

иногорского рудного района в 1747–1861 гг. // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 1999.

4. Соболева Т.Н. Об управлении городами и горнозаводскими поселками Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в. // Города Алтая (Эпоха феодализма и капитализма). Барнаул, 1986.
5. Соболева Т.Н. Административные преобразова-

ния 60–80-х гг. XIX в. на Алтае и их влияние на экономическое развитие кабинетского округа // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990.

6. Полиция // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000.

7. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 729. Л. 1–7; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 10. Л. 3–4об.; Д. 655. Л. 31об.–32, 223об.–225; Оп. 19. Д. 200. Л. 371–372об.; ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2105а. Л. 137–142, 589–592; ПСЗРИ-1. Т. 38. Отд. 2. №29125.; ПСЗРИ-2. Т. 24. №23263.

8. ПСЗРИ-1. Т. 38. №29125. С. 393; ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2105а. Л. 137–142.

9. ПСЗРИ-2. Т. 3. №1960. С. 422.

10. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 641. Л. 2об.–3об.

11. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2105 а. Л. 139–141.

12. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2105а. Л. 137–142. Оп. 1. Д. 329. Л. 2об.–3; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 655. Л. 31об.–32, 223об.–225; Оп. 19. Д. 200. Л. 371–372об.

13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 655. Л. 31об.–32, 223об.–225, 99–102.

14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 78. Л. 36–42; ПСЗРИ-2. Т. 31. Отд. 2. №31222.

15. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 655. Л. 269об.–270.

16. РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 792. Л. 1–3, 7–8.

17. Описание Колывановоскресенских заводов по 1833 год Кулибина // Горный журнал. 1836. Ч. 1. Кн. 1.

18. Кабо Р.М. Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX вв.). М., 1949.

19. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.

20. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 729. Л. 2–7; ЦХАФ

АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3391. Л. 21–30об.; ПСЗРИ-2. Т. 3. №1960. С. 422.

21. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 641. Л. 3.

22. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3391. Л. 21–30об.

23. ПСЗРИ-2. Т. 24. №23263.

24. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 655. Л. 27–29, 34 об.–35, 39 об.–40, 61 об.–62.

25. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2105а. Л. 104, 592; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 10. Л. 4–4об.

26. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2105 а. Л. 92–94, 502.

27. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Л. 639. Л. 12–13об.; ПСЗРИ-1. Т. 38. №29124. С. 343; ПСЗРИ-2. Т. 3. №1960. С. 12, 29, 61, 66–67, 200–204; Т. 38. Отд. 1. №39995.

28. Устав горный 1857 г. // Свод законов Российской империи. Т. 7. Уставы: монетный, горный и о соли. СПб., 1857.

29. ПСЗРИ-2. Т. 24. №23263. С. 87, 91, 94, 98, 100, 111, 115.

30. ПСЗРИ-1. Т. 29. №22208. С. 602.

31. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века. Барнаул, 1991.

32. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2941. Л. 231–232.

33. Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Ч. 2.

34. ПСЗРИ-1. Т. 29. № 22208. С. 598, 601–603, 609.

35. Устав горный 1842 г. // Свод законов Российской империи. Т. 7. Ч. 3. Уставы: монетный, горный и о соли. СПб., 1842.

36. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 503 а. Л. 915об.

37. ПСЗРИ-1. Т. 29. №22208. С. 589–590; ПСЗРИ-2. Т. 3. №1960 С. 422.

38. Паршукова Н.П. Барнаул начала XIX в. глазами современников // Алтайский сборник. Вып. XIV. Барнаул, 1991.

39. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 741. Л. 4, 22.

40. РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 1079. Л. 1–71об.